

МОСКВА И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА. НЕПРОСТЫЕ 60-е... ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА. М.: изд-во “Тезаурус”, 2013, 486 с.

Сборник статей¹, подготовленный по материалам конференции, проведенной в апреле 2012 г. Институтом славяноведения РАН, открывается вступительной статьей Н.М. Куренной, которая эпоху 1960-х годов определяет как время “парадоксальное и драматическое”. Материал статьи убеждает в точности этого определения: 60-е годы, действительно, были наполнены парадоксами и драматизмом. Причем это касалось всех граней жизни: и экономики, и политики, и культуры. Поиск нового иной раз оборачивался пренебрежением к традициям, борьба за светлые идеалы – невниманием к реальному, земному человеку. В нашей стране это было время первого полета человека в космос и закрытия тысяч церквей, увлечения поэзией и уничтожения остатков основ традиционного уклада деревенской жизни. Это было время экономических реформ и новочеркасского расстрела. В недрах декады 60-х годов зарождались набравшие силу в наши дни процессы глобализации, подспудно шла борьба общества традиционного и модернистского.

В издании присутствуют три блока проблем: СССР в 60-е годы, Восточная Европа в этот период и проблемы развития литературы в ряде социалистических стран. 25 статей сборника – это 25 сюжетов, представляющих, конечно, не полную, но интересную и яркую картину жизни “мира социализма”.

Достаточно традиционно сборник начинается с экономических сюжетов. В.А. Шестаков в статье “Реформа Косыгина и административно-командная система СССР” анализирует глубинную суть причин неудачи реформы, не довольствуясь поверхностными и односторонними подходами. Главные причины неудачи автор (вслед за известным венгерским экономистом Я. Корнаи) усматривает в специфике системы, обнаруживающей одни и те же неэффективные черты независимо от национальных особенностей. В статье на

основе использования архивных материалов убедительно показано, что коренная причина неудач крылась не в противостоянии представителей различных экономических школ, а в том, что “советское руководство рассматривало экономическую теорию как разновидность идеологии, как инструмент партийной пропаганды” (с. 30). “Вскрыть резервы социализма” не удалось, ибо их не было, и никакие личные качества реформаторов не могли изменить существующего положения дел.

Неэффективность системы заставляла интеллигенцию 60-х годов задумываться над перспективами развития страны. Подчас эти размышления приводили к весьма драматическим последствиям. Подобного рода ситуация рассматривается в статье Г.П. Мурашко “НТР и советская научно-техническая интеллигенция: формирование новых взглядов на исторические перспективы развития СССР в 60-е годы XX века”. Привлекая архивные материалы, автор показывает жизнь научного сообщества одного из “наукоградов” – Обнинска, где работали специалисты в области физики и энергетики, строилась первая в мире атомная электростанция. Но научное сообщество Обнинска находило время не только для работы: ученые живо интересовались общественно-политическими сюжетами, самиздатовскими публикациями. Мурашко анализирует принципиальные положения популярных в то время среди интеллигенции самиздатовских работ А.Д. Сахарова и В.Ф. Турчина, усматривая в них “стремление донести до правящих партийно-государственных кругов понимание назревшей необходимости диалога с интеллигенцией как социальным слоем общества, роль которого в условиях научно-технической революции становится ведущей” (с. 44). Но диалога не получилось. Это привело к росту диссидентских настроений среди интеллигенции, а также к эмиграции многих представителей мира науки, в том числе вышеупомянутого Турчина.

Возвращаясь к проблемам 60-х годов и, в частности, развития СССР, заметим, что во многом они были порождены, как свидетельствуют материалы сборника, нежеланием или

¹ Редколлегия: д.и.н. Т.В. Волокитина (отв. редактор), д.и.н. Г.П. Мурашко, А.А. Улыбина.

неумением власти прислушаться к голосу общества. Это находит яркое подтверждение в статье Л.И. Шинкарева, посвященной специальному отчету № 4 известных чехословацких экономистов и путешественников Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда о поездке по Советскому Союзу в 1963–1964 гг. Этот специальный отчет имел секретный характер и был направлен А. Новотному и Л.И. Брежневу для ознакомления. Автор подробно анализирует документ, важность которого как “аргументированного диагноза хронической болезни общественно-политической системы СССР с реальными предложениями выхода из тупика” трудно переоценить (с. 111). Но Брежнев не нашел времени прочитать документ, хотя многие его положения содержали в себе полезные рекомендации.

Взгляд со стороны на советскую действительность отражен и в статье В.В. Марьиной «Советская “оттепель” в зеркале чехословацких документов: некоторые вопросы внешней политики СССР и положения в социалистическом лагере». Автор достаточно высоко оценивает деятельность Н.С. Хрущева, полагая, что именно он стоял у истоков идеи построения “социализма с человеческим лицом”, хотя сам этого термина не употреблял и даже не знал о его существовании. Основываясь на анализе публикации М. Реймана и П. Луняка “Холодная война. 1954–1964 гг. Советские документы в чешских архивах”, изданной в Брно, Марьина воссоздает сложный образ Хрущева как незаурядного политика, отстаивающего идеалы социализма перед лицом Запада, и вместе с тем “дерзкого, решительного, отчаянного игрока, способного на сумасбродные действия ради достижения поставленной цели” (с. 133).

Внешняя политика хрущевского времени осуществлялась в условиях формирования нового подхода западных стран к социалистическому лагерю. Этот подход определялся в ходе острой борьбы между сторонниками смягчения отношения к идеологическому противнику, чтобы выжить в непростой ситуации наличия ядерной угрозы, и крайне правыми, непримиримыми противниками социализма. Историческая ретроспектива этой борьбы дается в статье И.И. Орлика “Восточная Европа в политике Запада в 1960-е годы: новые тенденции. Историческая ретроспектива”. Автор анализирует доктрину “мирного вовлечения” Восточной Европы в сферу западного влияния. Тактика этого вовлечения была различной по отношению к разным странам и зависела от степени прочности связей той или иной страны с западными ценностями и культурой. Рассмотренные документы и осмысление практики международных отношений позволяют автору прийти к заключению о том, что реальные возможности выхода из “холодной

войны”, возникшие в 60–70-е годы, не были использованы противоборствующими сторонами в полной мере. Западноевропейская стратегия оказалась более эффективной, но, как замечает Орлик, насколько эта стратегия будет плодотворной для восточноевропейских народов в дальнейшем, покажет только время (с. 126).

Блок статей сборника, посвященный социалистическим странам рассматриваемого периода, открывает статья сербского ученого А. Животича “Советский Союз и югославско-албанские отношения (1956–1961)”. В статье рассматривается напряженная ситуация рубежа 50–60-х годов, когда в условиях все более явных разногласий с СССР и переориентации Албании на Китай происходит явное осложнение отношений Албании и Югославии. В противостоянии Москвы и Пекина Югославия стремилась занять нейтральную позицию, держаться в стороне. Албания, обретя покровителя в лице Китая, оказалась в весьма сложных отношениях со всем восточным блоком, предпочитала лавировать между Востоком и Западом.

О нарастании напряженности в советско-румынских отношениях повествуется в статье Т.А. Покивайловой “От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех”. Автор фокусирует внимание на постепенном изменении политики румынского руководства по отношению к СССР, усилении тенденции к акцентированию независимости от Кремля. На основе изучения широкого круга архивных документов и новейших публикаций Покивайлова показывает процесс формирования “особого курса” Румынии в международной политике, “курса лавирования в рамках мирового коммунистического движения” (с. 181).

Диаметрально противоположные процессы происходят в это время в Болгарии. О замыслах превращения страны в “16-ю республику СССР” рассказывается в статье Т.В. Волонкиной. Перед читателями приоткрывается далеко не всем известная картина амбициозных интеграционных планов Хрущева по созданию конфедерации социалистических государств. Эти планы нашли отклик прежде всего в Болгарии, руководство которой во главе с Т. Живковым проявляло готовность включить свою страну в состав Советского Союза, подтвержденную секретными решениями партийных пленумов, и стремилось форсировать процесс сближения. Уход Хрущева с политической арены не означал отказа от интеграционной идеи. Опираясь на архивные материалы, автор приходит к выводу, что замыслы болгарского руководства имели под собой преимущественно экономические основания и были направлены на поиск быстрого

и эффективного решения сложных экономических проблем, стоящих перед страной. Думается, что в наше время, в контексте сложной ситуации в Европейском союзе, история интеграционных устремлений, как в случае с Болгарией, и попыток сохранения независимости (румынский случай) представляют особый интерес и звучат весьма актуально.

Ряд статей сборника посвящен проблемам Югославии. Внимание исследователей сосредоточено на сюжетах, связанных с идейными исканиями югославских интеллектуалов, в частности югославской интерпретации либерализма. В статье Е.Ю. Гуськовой “Европейский либерализм 60-х годов XX века и югославские реалии” выявлена специфика югославского варианта этого течения, его отличия от либерализма европейского. Рассмотрев конкретные проявления указанного феномена в отдельных югославских республиках, автор приходит к выводу, что либерализм в югославском варианте не был единым явлением, а в каждой республике имел свои особенности.

Конкретному проявлению либерализма в Хорватии, которое Гуськова определяет как “националистический вихрь”, специально посвящена статья И.В. Рудневой. В этой республике либерализм выразился в так называемом “массовом движении”. Под прикрытием идей либерализма, утверждает автор, в Хорватии развивался процесс формирования националистического курса руководства.

Вопросам, связанным с проблемами другого национализма, албанского, посвящена статья А.И. Филимоновой “Косово в 60-е годы XX века: генеральная репетиция независимости?”. Подойдя к проблеме с позиции историзма, автор дает краткий экскурс в историю косовской проблемы, показывая, как исподволь предпринимались усилия по изменению этнического состава населения края в пользу албанцев, как “обрабатывалось” сознание местного населения, как проходил процесс “албанизации Косова в политическом, административном и интеллектуальном аспекте” (с. 445).

Невозможно представить интеллектуальную жизнь 60-х годов в Югославии без обращения к имени и наследию М. Джиласа. Именно этой теме посвящена статья А.С. Аникеева “М. Джилас и диссидентское движение в Югославии в 1960-е годы”. Автор полагает, что “белградская весна” Джиласа, пришедшая на 50-е годы, не имела перспективы вследствие не только отсутствия поддержки со стороны югославской элиты, но и непонимания со стороны Запада.

Социальные аспекты экономической реформы 60-х – начала 70-х годов в Венгрии рассматриваются в статье Б.И. Желицкого. В представлении автора этот период, вплоть до

середины 1970-х годов, – один из наиболее успешных в истории социализма советского образца. Именно тогда в Венгрии проводилась экономическая реформа, первые подходы к которой пришлось еще на конец 1950-х годов. Желицкий полагает, что именно “на гарантиях улучшения материального положения людей и держалась власть нового поколения политиков во главе с Я. Кадаром” (с. 225).

Если экономическая реформа в Венгрии может быть признана в целом как удачная, то попытка преобразований в Чехословакии, “Пражская весна”, закончилась трагически. Вопросу о том, насколько советское руководство было осведомлено о положении дел в Чехословакии в канун “Пражской весны”, посвящена статья Т.А. Джалилова, подготовленная на основе широкого круга архивных документов. Автор приходит к выводу, что советское руководство в полной мере было знакомо с ситуацией в Чехословакии, с процессом нарастания проблем и противоречий в стране. Однако имеющаяся информация не привела к должным выводам и действиям. Джалилов опровергает устоявшееся мнение, что события в Чехословакии явились для советского руководства полной неожиданностью. Этот тезис не находит подтверждения в документах.

Реакция в социалистических странах на снятие Хрущева стала предметом специального рассмотрения в статьях А.С. Стыкалина «В. Гомулка: “Мы довольны решением ЦК КПСС о т. Хрущеве...”» и М. Барат “Отклики в Венгрии на снятие Н.С. Хрущева”. Подчеркивая различное отношение к отставке Хрущева со стороны польского и венгерского лидеров, Стыкалин замечает, что в этом различии “нашли отражение векторы эволюции двух коммунистических режимов” (с. 316). Если Гомулка, бывший в 1956 г. для многих поляков символом борьбы за национальный суверенитет, в 1964 г. упрекал Хрущева за слишком резкую критику Сталина, то Я. Кадар, напротив, пытался либерализовать режим в Венгрии. При этом, однако, как полагает Стыкалин, каждый из них “был готов пойти на удушение реформ, если видел в них угрозу социализму” (с. 316). Кадар, как следует из статьи венгерской исследовательницы М. Барат, критически воспринял решение ЦК КПСС об отставке Хрущева и открыто заявлял об этом, исходя не только из личных симпатий к опальному советскому лидеру, но и опасаясь изменения политического курса СССР.

Отношение к событиям августа 1968 г. в социалистических странах было неоднозначным. В статье Ар.А. Улуяна анализируется реакция на события со стороны румынского руководства. Автор отмечает, что в национальной историографии высказывается мнение

о готовящейся, аналогичной чехословацкой, агрессии и против Румынии, но насколько это мнение обоснованно в настоящее время, судить трудно ввиду отсутствия необходимых источников. Во всяком случае, в Бухаресте готовились к советскому военному вторжению, и происходило это на фоне укрепления власти Чаушеску и усиленного насаждения национально-патриотической идеологии.

1968 год оказался непростым и для Польши. Он ознаменовался студенческими волнениями и антисоциалистской кампанией. А через два года страну охватили серьезные волнения, связанные с выступлениями рабочих против повышения цен. Польские события рассматриваются в статье В.В. Волобуева, причем автор подходит к ним не совсем традиционно: через призму резкого прироста населения, так называемого бэби-бума. По мысли Волобуева, негибкая политическая система не смогла справиться с возникшей ситуацией, что и стало одной из причин роста социальной напряженности.

Символом крушения социализма стало для многих падение берлинской стены. Но было бы неверным полагать, что по одну сторону этого рубежа сосредоточилось добро, а по другую – зло. О сложной и неоднозначной истории ГДР размышляет в своей статье Б.С. Орлов, работавший в ГДР в хрущевские времена и хорошо знающий ее реалии. Автор справедливо подчеркивает недопустимость упрощенных оценок и примитивных трактовок.

Ряд статей сборника посвящен проблемам культуры и отношениям ее деятелей с властью. К этому блоку можно отнести статью Г.В. Костырченко “Н.С. Хрущев и Союз советских писателей: проблема диалога власти с творческой интеллигенцией”. Костырченко полагает, что Хрущев в своих попытках налаживания диалога с интеллигенцией оказался заложником собственной “межеумочной позиции” – ни сталинизма, ни демократии (с. 85). Подобные однобокость и непоследовательность привели к тому, что диалог не состоялся.

Регулировать творческие процессы, “управлять” культурой власть пыталась не только в СССР, и не только там это в полной мере не удавалось. Пример тому – ситуация в венгерской литературе в 60-е годы, ставшая предметом рассмотрения в статье Ю.П. Гусева. Автор констатирует необычайный взлет венгерской литературы в это время, чему, возможно, способствовала сама атмосфера “оттепели” и достаточно мягкая культурная политика Кадара.

О “человеке в тоталитарной системе”, о тупике, в который человечество само себя загоняет, в каком бы обществе ни жил человек, на примере творчества польских писателей Витольда Гомбровича и Славомира Мрожека

говорится в статье В.А. Хорева. Имена этих творцов неразрывно связаны, а их творчество, далекое от реализма, порождено трагическим и жестоким XX столетием, определившим, несмотря ни на что, а, может быть, и вопреки суровым реалиям, основной вектор движения – “стремление к интеллектуальному раскрепощению человека”.

В чехословацкую культуру 60-е годы, по наблюдениям Д.К. Полякова, вернули опыт авангарда 1930-х годов, переместили центр внимания с “коллективного героя” на личность. В статье “Одномерный человек” в чешской литературе шестидесятых годов (романы В. Парала) автор обращается к творчеству оригинального чешского писателя, показавшего, как в мире социализма формируется своеобразный аналог западного общества потребления, с теми же проблемами пустоты жизни и ограниченности желаний миром материального, разве что на несколько ином уровне.

Итак, “непростые 60-е” вновь ожили на страницах сборника. Ожили в полном смысле слова, ведь опубликованные материалы написаны живо и интересно, а тот факт, что большинство из них основано на неизвестных не только широкому читателю, но и исследователям архивных материалах, делает сборник особенно ценным. Представляется удачной идея помещения в сборник статей о литературе “проблемных” стран, переживших потрясения первых системных кризисов социализма. Поднимаемые писателями “вечные вопросы”, касающиеся философии человеческого бытия, позволяют с новых ракурсов взглянуть на бурные 60-е годы с их политическими интригами, идейной борьбой и экономическими проблемами. Особенно это важно для современного читателя, живущего в XXI в., когда уже нет социалистического лагеря и плановой экономики. Но остались проблемы экономического развития, и зависимость от СССР для многих социалистических стран сменилась зависимостью от Евросоюза. Уже нет давления партийного руководства на культуру, но трудно говорить о ее расцвете, когда повсюду вполне утвердился “одномерный человек”, словно сошедший со страниц романа В. Парала. Может быть, потому, что, как писал венгерский писатель Ф. Шанта, “изменить мироздание невозможно, пока оно само не изменится”?

Л.С. Лыкошина,
доктор исторических наук,
Институт славяноведения РАН